

**БАЛАДЖИ АВДЖИ: ПИСЬМОВОДИТЕЛЬ–ЦАРЕТВОРЕЦ.
К 350-ЛЕТИЮ ВОСШЕСТВИЯ НА ТРОН
ЧХАТРАПАТИ ШИВАДЖИ-МАХАРАДЖА,
ОСНОВАТЕЛЯ ГОСУДАРСТВА МАРАТХОВ**

© 2024

И. П. Глушкова¹

Слава основателя государства маратхов давно вышла за пределы маратхиязычного региона, где в XVII в. совершал ратные подвиги Шиваджи Бхосле, выходец из мелкоземельного воинского клана. Именно поэтому 350-я годовщина его коронации как *чхатрапати* Шиваджи–махараджа отмечается в Индии на общенациональном уровне. Наряду с созданием собственной политики и вкладом в возрождение индуизма ему ставят в заслугу защиту самобытности, т. е. противодействие любым формам инородного вмешательства в жизнь субконтинента. Его безупречный образ, в условиях антиколониального движения получивший повсеместное признание, неразрывно связан с возвышением плеяды его единомышленников — «солдат Шив-раджи» (*Śivrājyāñce śiledār*), какие бы посты при нем они ни занимали.

Баладжи Авджи Читре из касты профессиональных писцов и секретарей (чандрасения каястха–прабху) считается одной из главных «драгоценностей» в «гирлянде» соратников Шиваджи. Искусный писемоводитель признан виртуозом в устранении преград на пути своего хозяина к высотам власти: он «посредничал» в общении Шиваджи с оберегающей его богиней Бхавани, участвовал вместе с ним в рейдах на портовые города, сопровождал его в ночных проверках на надежность крепостей, находился рядом, когда Шиваджи убивал биджапурского военачальника Афзал-хана, выручал хозяина из могольского плена. Он же обеспечил Шиваджи чистую родословную в качестве потомка Солнечной династии бога Рамы, утвердил его кшатрийский статус и заручился поддержкой авторитетного брахмана Гаги Бхата из священного Бенареса. Настоящая статья реконструирует этапы создания нарратива о Баладжи Авджи, «секретаре собственной государственности».

Ключевые слова: Индия, Махараштра, XVII век, государство маратхов, Шиваджи, Баладжи Авджи, секретарь–читнис, коронация, брахманы–читпаваны, чандрасения каястха–прабху, *бакхары*

Для цитирования: Глушкова И. П. Баладжи Авджи: писемоводитель–царетворец, К 350-летию восшествия на трон чхатрапати Шиваджи-махараджа, основателя государства маратхов. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2024. № 4. С. 211–233. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-4-211-233

---

¹ Глушкова Ирина Петровна, доктор исторических наук, г.н.с. Отдела истории Востока Института востоковедения РАН, Москва; iri_glu@hotmail.com
Irina Glushkova, DSc (Hist.), Principal Research Fellow, Department of History of the East, Institute of Oriental Studies RAN, Moscow; iri_glu@hotmail.com
ORCID: 0000-0002-3715-5722

**BALAJI AVJI: A SCRIBE AND KING-MAKER.
ON THE 350TH ANNIVERSARY OF THE ENTHRONEMENT
OF CHHATRAPATI SHIVAJI MAHARAJ, A FOUNDER OF THE MARATHA
STATE**

Irina Glushkova

The fame of the founder of the Marathi state has long gone far beyond the limits of the Marathi-speaking region, the focal point of the 17th century feets of arms of Shivaji Bhosle, a native of a petty landlord and warrior clan. For that cause, the 350th anniversary of his coronation as Chhatrapati Shivaji Maharaj is celebrated nationwide in India. Along with formation of his own policy and contribution to the revival of Hinduism, he is credited with protection of his country authenticity by fighting against any form of foreign intervention. His impeccable image as shaped throughout the subcontinent at the times of the anticolonial struggle, is integrally linked with the rise of a galaxy of his like-minded “soldiers of Shiva Raja” (*Śivrāyāñce śiledār*), no matter what positions they held under him.

Balaji Avji Chitre from the caste of Chandraseniya kayastha prabhu of professional scribes and secretaries is considered one of the main “jewels” in the “garland” woven of Shivaji’s associates. This skilful clerk is recognized as a factotum in removing obstacles on his master’s path to the heights of power: he “mediated” in Shivaji’s communication with his protectress goddess Bhavani, participated along with him in raids on port cities, accompanied him in night scrutiny of fortresses, stayed there when Shivaji killed the Bijapur military commander Afzal Khan, helped his master escape from the Mughal captivity. He also provided Shivaji with a pure lineage as a descendant of the Solar Dynasty of the god Rama, confirmed his Kshatriya status and enlisted the support of the authoritative brahman Gaga Bhat from holy Benares. This article reconstructs the stages of composing a narrative about Balaji Avji, the “secretary of [the Marathas’] own statehood”.

Keywords: India, Maharashtra, 17th century, the Maratha state, Shivaji, Balaji Avji, secretary–chitnis, coronation, brahmans–chitpavans, chandraseniya kayastha prabhu, bakhars

For citation: Glushkova I. Balaji Avji: a scribe and king-maker. On the 350th anniversary of the enthronement of Chhatrapati Shivaji Maharaj, a founder of the Maratha state. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2024. No. 4. Pp. 211–233. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-4-211-233

Ни шиваджиана (совокупность произведений разных видов искусств, поющих славу чхатрапати Шиваджи-махараджу), ни шивадживедение (раздел истории, изучающий деятельность Шиваджи в контексте его эпохи и воздействие его образа на формирование национального этоса маратхов) не могли бы сложиться, если бы личные запросы и социальные устремления основателя маратхской государственности не обслуживала когорта личных секретарей. Им принадлежит заслуга в организации документооборота, сохранении архивов и непрерывном наращении письменных артефактов, ставших фундаментом для создания монументального памятника герою, заложенного им «маратхского царства» и его ближайшим соратникам. Вокруг некоторых из них вырос собственный нарратив, и Баладжи Авджи, чьей рукой начиная с 1650-х годов писалась большая часть исходящей от Шиваджи корреспонденции на маратхи, из слуги, неотступно следующего за хозяином, превратился в соратника, помощника, наперсника, «брата» и... оказался царетворцем.

Слуга знаменитого хозяина: посмертная фортуна

6 июня 2024 г. Махараштра завершила длившееся целый год празднование 350-летия со дня коронации Шиваджи Бхосле² (1627/30–1680). Выходец из клана мелких землевладельцев и наемных ратников, в XVII в. попеременно оказывавших военно-фискальные услуги правителям Деканских султанатов (Ахмадабад и Биджапур) и Моголам (Дели/Агра), великий маратх обрел легендарный ореол при жизни. Дальнейший ход истории, особенно с середины XIX в., когда в маратхиязычном регионе, а затем и за его пределами «мелодия Шиваджи стала исполняться хором» [Samarth, 1975, p. 13], превратил стихийный нарратив о его взлете к власти в насыщенное эпическое полотно. Шиваджи, «бунтовщик» и «патриот», «предвестник национально-освободительного движения в Индии», стал героем *per se*, что сопровождалось его возвышением до позиций демиурга и небожителя, а сами мараты / махраты / мархатты, как звучал ранее этот этноним, обрели славу бесстрашных и упорных воинов. На фоне тотальной «шиваджизации» современных ландшафта и идеологии Махараштры и превращения маратхского лидера в фигуру национального масштаба избранные сподвижники из его ближайшего окружения также стали укрупняться и приобретать особый статус.

В 1674 г., в момент назначения Шиваджи самого себя *чхампанаму* (*chhatrapati*) — «обладателем [царского] зонта» — реальная территория, над которой он властвовал, располагалась в радиусе нескольких десятков километров по обе стороны Западных Гхатов / Сахъядри: к востоку от гряды в местности Мавал на Деканском плато и к западу на побережье Конкана. В XVIII в. экспансионистская политика *пешв* — первых министров, потеснивших потомков Шиваджи, привела к формированию своего рода политики, в дальнейшем названной Маратхской империей, которая контролировала большую часть субконтинента. После утраты в XIX в. субъектности в качестве доминирующей политической силы маратхи занялись поисками собственной идентичности и своей роли в истории региона, обретшего благодаря Шиваджи мировую известность. Князь Э. Э. Ухтомский, хроникер путешествия цесаревича Николая на Восток, взглядыываясь при подходе фрегата «Память Азова» к бомбейскому берегу в очертания «синеющих холмов отдаленья», писал о «прежних владениях мужественных и свободолюбивых маратов» [Ухтомский, 1893, с. 8]. А в момент приближения с противоположной стороны — изнутри Махараштры — к горной цепи угадывал места, где осуществлял первые ратные подвиги Шиваджи: «19 декабря [1890 г.] мы засветло наконец пересекаем знаменитые красотой своей Гхаты. [Великокняжеский] поезд карабкается вверх по крутизне, медленно спускается тут же около с довольно обрывистого склона, теряется в целом сонме сравнительно невысоких холмов, в зимнее время года отличающихся тусклостью зелени и вообще какою-то странною мертвенностью. Путешественники, бывавшие здесь в пору обильных дождей, напротив — в восторге от шума потоков, сбегающих в долины вдоль железнодорожной линии, от яркой листвы, обрамляющей тогда макушки и скаты гор, от радостного оживления, которым проникнута окрестность, выросшая и выдвинувшая на поприще исторической борьбы маратов-воинов, горцев-разбойников, но защитников независимой родины. Да, именно из подобной величественно-дикой глуши могли парить над остальной Индией гордые мечты бестрепетного „царя и воеводы“ Сиваджи! Его походы сопровождалось, конечно, опустошениями и кровопролитиями, что было вполне в духе времени и даже отчасти аналогично с характером войн на Западе. Тем не менее цель враждебного отношения к окружающим народностям (особенно при подчинении их исламу или влиянию корыстолюбивых европейцев) оправдывалась как протест крайне живучего и бодрого

² Это имя в старой историографии имеет разные варианты написания: Bhonsle/a, Bhosle/a и пр. О некоторых аспектах восприятия Шиваджи в новейшее время см. [Глушкова, 2002, 2004, 2005, 2012, 2014а, 2014б; Ванина, 2021].

индуизма. Вера в браминов, в религиозные начала, завещанные предками, в известного рода народную самобытность — вот что одушевляло маратов и создавало из них боевую силу, с которой приходилось — а, пожалуй, и еще придется, — считаться» [Там же, с. 91–92].

Представление о «вере в браминов» и в «религиозные начала, завещанные предками», несомненно, было очень «ориенталистским»: то и другое, скорее, разъединяли маратхов, и отчуждение между ними преодолевалось изобретательностью и весомым материальным вознаграждением. Баладжи Авджи Читре, *читнис* / *читनावис* (*ciṭnīs* / *ciṭnavīs*, от перс. *nawīs*, «писатель») вошел в историю как Баладжи Авджи Читнис (по названию должности), Баладжи Авджи Прабху (по принадлежности к касте профессиональных писцов и секретарей *Cāndrasenīy kāyastha prabhu*, в современном обиходе сокращенной до маратхских слогов «ча-ка-прабху», *cākāprabhu*, или английской аббревиатуры «си-кей-пи», СКР), Баладжи Авджи Гхолкар (от Гхолавади, пожалованной кому-то из его предков деревни) и Бал-прабху Читнис. Помимо искусства в письмоводительстве, именно ему приписывается роль незаменимого умельца в устранении самых сложных, почти непреодолимых, ситуаций на пути своего хозяина к успеху: он «посредничал» в общении Шиваджи с оберегающей его богиней Бхавани, участвовал вместе с ним в успешных рейдах на портовые города, сопровождал его в ночных проверках на надежность крепостей, находился где-то рядом, когда Шиваджи убивал биджапурского военачальника Афзал-хана, выручал хозяина из могольского плена и, наконец, обеспечил ему чистокровную родословную как потомка Солнечной династии бога Рамы, добился признания его кшатрийского статуса и привлек авторитетного брахмана и законотворца Гагу Бхата из священного Бенареса для проведения утраченной в могольском окружении церемонии помазания на трон царя-индуса.

Слава Баладжи Авджи начала прирастать с конца XVII в., и в XXI в. он стал центральным героем популярных брошюр и романов, обработавших в духе историко-психологического «дописывания» дошедшие сведения из его жизни [Date, 1976a, 1976b; Bhav, б. д., Shinde-Sarkar, 2015]. При этом успешность его начинаний даже вынесена на обложку одного из изданий — «Удачливый Баладжи Авджи» (*Yaśvant Bālājī Āvji*) [Date, 1976b] — и постоянно тиражируется аудио- и видеоконтентом в интернете и постами в Фейсбуке (запрещен в РФ) в группах с многотысячным участием. К его прежним регалиям добавился новый титул — «секретарь собственной государственности» (*svarājyāce ciṭnīs*) и расширенное — гонорифическое — написание его имени — «приверженный собственной государственности» (*savarājya niṣṭh śrī bālājī āvji ciṭnīs*), а сам он стал воплощением наследуемых не только его прямыми потомками, но и всей кастой каястха-прабху таких добродетелей, как «верность службе» (*sevā ekāniṣṭhā*) и «преданность хозяину» (*svāmibhakti*). Приписываемые ему качества привели к приравниванию его интеллекта к популярной в XVII в. в индоиранском регионе кривой сабле — *шамширу*, способной наносить сильный отяжной удар (*samśerīsārkhā tallakh ciṭnīs*), и к изобретению хвалебного эпитета — «внешняя душа» (*bahisth prāṇ*), что утверждает представление о полном единомыслии между слугой и хозяином. Также Баладжи получил соответствующие современной профессиональной номенклатуре наименования, расширяющие диапазон его ответственности, — «специальный ассистент» и «менеджер». Наконец, на волне популярных в 2010–2020-е годы ТВ-сериалов о Шиваджи и их сиквелов о Самбхаджи (1657–1689, старший сын) и Раджараме (1670–1700, младший сын)³ было «обнаружено» место, теперь маркированное скромной мемориальной постройкой — самадхи (*samādhi*), где в 1681 г., уже после смерти Шиваджи, по распоряжению неуравновешенного и жестокого Самбхаджи *читнис* был брошен под ноги обезумевшего слона.

³ Разделенные борьбой за трон отца, потомки Самбхаджи, продолжая использовать титул *чхатрапати*, укрепились в Сатаре, а Раджараме — в Колхапуре. В дальнейшем в связи с практикой усыновления и многочисленными интригами (среди прочих особенно отличилась вторая жена Раджараме — Тара-баи, впрочем, потом побежденная его третьей женой) кровная линия Шиваджи фактически прервалась, но титулатура (начиная с 1749 г. — «раджа») осталась за потомками обоих семейств и в Сатаре, и в Колхапуре.

Подобного рода посмертные памятники — от невысокой стелы до храмовых комплексов — материализуют историческую память Махараштры и утверждают именно такое, а не иное, ее наполнение.

Бакхары: траектория взлета

В Махараштре главным источником информации об основателе государства маратхов и его соратниках, в том числе Баладжи Авджи, признают грандиозные памятники нарративной прозы — *бакхары* (*bakhar*)⁴ с описанием деяний Шиваджи, его предков и потомков, союзников и противников. Обнаружение новых рукописей — как более поздних, так и более ранних — и сопоставление разных версий одного и того же текста, выполненных под разных заказчиков, неизменно вели к яростным дискуссиям о смыслах слов, оценках поступков и — шире — о несоответствиях и умолчаниях в изложении событий. Старые копии с соответствующими жанру и традиции колофонами, качеством бумаги, каллиграфическими и грамматическими признаками, созданные при жизни Шиваджи или ближе к эпохе Шиваджи, считаются более достоверными. Именно *бакхары* стали основой для Эдварда Скотта-Уоринга и Джеймса Гранта-Даффа⁵, авторов первых «Историй махраттов» (1810 и 1826 соответственно). Оба нацеливались на удержание захваченных Ост-Индской компанией территорий и пытались понять, что «особенного» было в махратах, которых они считали главными соперниками. Скотт-Уоринг писал: «Когда-то махратты были могущественной нацией — их возвышение и падение могут несомненно стать предметом споров» и гордился тем, что опирается именно на *бакхары*: «[Б]ез всякого высокомерия я могу поставить себе в заслугу то, что был первым, кто представил читателю связанную историю махраттов, почерпнутую из первоисточников, о существовании которых до недавнего времени не было известно» [Scott Waring, 1810, pp. viii, x]; ему вторил Грант-Дафф: «Потребность в полной истории взлета, развития и упадка махраттов, наших непосредственных предшественников в завоеваниях, давно известна всем, кто знаком с делами в Индии; она [ощущалась] в такой степени, что стала общепризнанной: осознать до конца, каким способом мы обрели в этой части нашу обширную империю, мы не сможем, пока не получим желаемого» [Grant Duff, 1990, p. v]. Его непосредственным помощником, чьи интерпретации прошлого, а также чей вес в кругах «си-кей-пи» он нещадно эксплуатировал, был не кто иной, как Балвант-рав, прапраправнук Баладжи Авджи. Грант-Дафф писал: «Некоторые подлинники написаны рукой Баладжи Авджи, и я получил этому подтверждение, как будет упомянуто ниже, в другом месте» [Ibid., p. 89, fn*]. Но в «другом месте» он всего лишь пересказывает эпизод из одного из *бакхаров* о заговоре против Самбхаджи с вероятным участием Баладжи Авджи, что и привело к его казни. Только в сноске он подтверждает особое благоволение Шиваджи к своему письмоводителю, используя «оригинальный» документ о включении секретаря в совет министров (*aṣṭhapradhān*, «восьмерка главных»), от чего Баладжи отказался, и напоминает читателю, что это тот, чей почерк сохранен во множестве документов, «чему история премного обязана» [Ibid., p. 223, fn*]⁶.

⁴ Слово *bakhar* может быть метатезой араб. *khabar*, «новость», или производным от перс. *kbeir*, *bakbeir* «все хорошо». *Бакхары* сфокусированы на событиях политической истории «под заказчика» с добавлением множества сверхъестественных компонентов. В настоящее время насчитывается около 200 *бакхаров*, датируемых периодом XVII–XIX вв. Из них опубликовано около 50, большая часть рассказывает о Шиваджи.

⁵ Э. Скотт-Уоринг в 1800-х годах занимал пост младшего секретаря английского резидента при дворе *пешвы* Баджи-рава II в Пуне; Д. Грант-Дафф после окончательного поражения маратхов в 1818 г. стал резидентом в Сатаре при возведенном на трон англичанами потомке Шиваджи Пратапе Сингхе. Оба офицера владели маратхи и имели доступ к оригинальным документам.

⁶ Гаджанан Мехендале, автор фундаментальной биографии Шиваджи с опорой на массив документов, собранных за почти столетний период с момента написания первых работ [Mehendale, 2011], считает этот документ подделкой

По крайней мере пять *бакхаров*, несмотря на разночтения в рецензиях, включая их разные титулы, формируют фундамент, на который вынуждены опираться даже решительные противники этого жанра (как, например, не пользующийся признанием в Махараштре историк Могольской Индии бенгалец Джадунатх Саркар⁷):

1. «Сабхасадский бакхар» (*Śrī-Śiva-Prabhuce-Caritra*, 1694/1697) был создан по заказу Раджарама в Джинджи, крепости на территории современного Тамилнаду, осажденной могольскими войсками, где младший сын Шиваджи укрывался около десяти лет. Его автором называют Кришнаджи Ананта «Сабхасада», где последнее слово указывает на профессиональную принадлежность писателя к канцелярским регистраторам. «Сабхасад», как для краткости называют этот текст, считается наиболее достоверным из-за хронологической близости к периоду Шиваджи и единообразия стиля. В отличие от других текстов этого жанра, «Сабхасад» не изобилует мифологическими преувеличениями, но содержит информацию об административном устройстве при Шиваджи, жалованьях и пр. Баладжи Авджи Прабху Читнис числится среди фигур, являвшихся «опорой власти», хотя разные списки меняют состав и последовательность наиболее лояльных соратников. Согласно «Сабхасаду», идея о помазании на царство исходит от Гаги Бхата, отпрыска знаменитой династии Бхатов из священного Бенареса, а Баладжи присутствует на коронации, занимая вместе с братом место среди «помощников» лиц из министерского круга *аштханпрадхан* [Sane, n. d.; Sen, 1920].

2. «Бакхар в 91 раздел» (*Śrī-Śiva Chatrapatīcī 91 Kalmī Bakhar* или *Rairī bakhar* или *Marāṭhī samrājyācī choṭī bakhar*, 1685–1735) начал писаться около 1685 г. хроникером Даттаджи Вакнисом из окружения Шиваджи, но в середине следующего века с грубейшими ошибками, вставками и утратой связанности был обработан неким Кхандо Анаджи Малкаре [Chitnis, 2012, pp. 40–41]. Опубликованные в разные годы великими маратхскими историками-архивистами В. К. Радзваде, К. Н. Сане и Д. Б. Параснисом копии вместе с английским переводом 1806 г. «райгадского манускрипта» в исполнении лейтенанта Э. Д. Фриссела⁸ и переводом Саркара на английский персидского варианта этого текста (из Британской библиотеки) были собраны под одной обложкой В. С. Вакаскаром, историком из Бароды, в десятилетие полного расцвета шивадживедения [Wakaskar, 1930]. Составитель расположил одни и те же разделы (в случае их наличия в тех или иных копиях) друг за другом, что облегчило обнаружение разночтений, в частности, упоминаний Баладжи Авджи при перечислении эскорта Шиваджи.

3. «Шри-Шива-дигвиджай (Шива Победоносный)» (*Śrī-śiv-digvijay*, 1718), самый объемный *бакхар*, приписывается Кхандо Баллалу Читнису, второму сыну Баладжи Авджи, личному секретарю и Самбхаджи, и Раджарама. Вследствие неограниченных заимствований из «Бакхара в 91 раздел» и «Читниса» (см. ниже) вкупе с разгулом воображения большинство исследователей считают его подделкой, составленной не ранее 1818 г. (а никак не в 1718 г.) кем-либо из «си-кей-пи»: текст перевозносит касту и ее участие в достижении «собственной государственности», а также изобилует подвигами ее членов как самых верных соратников Шиваджи. Именно здесь излагается детальная генеалогия клана Читнисов, воспеваются героизм Баладжи Авджи и он объявляется

и придерживается мнения, что почерк Баладжи не идентифицирован (личная корреспонденция от 09.03.2024). Такого же мнения придерживается Анурадха Кулкарни, составитель двухтомника переписки Шиваджи [Kulkarni, 2015, 2019] (личная беседа, 12.01.2024).

⁷ Главным объектом исследования Саркара был император Аурангзеб (пр. 1658–1707), правление которого описано им в пятитомнике «История Аурангзеба» (1912–1924). Книга «Шиваджи и его времена» [Sarkar, 1919, 1929, 1952] появилась как побочный продукт основной темы, поскольку значительную часть своей жизни Аурангзеб как раз боролся с Шиваджи и маратхами и последнюю четверть века вплоть до своей кончины находился на территории Махараштры [Ванина, 2012].

⁸ Э. Д. Фриссел, также младший секретарь в Пунском резидентстве, ликвидировал нумерацию разделов и перевел текст в виде пересказа, назвав его *Account* [Frissel, 1885].

инициатором повышения статуса Шиваджи через интронизацию, организатором участия Гаги Бхага в вынесении вердикта о чистоте кшатрийского статуса Шиваджи и т. д., т. е. царетворцем.

4. «Читрагуптский бакхар» (*Citragupta bakhar*, 1760–1770) создан Рагхунатхом Ядавом Читре, потомком одного из братьев Баладжи Авджи и личным секретарем при наследнике Шиваджи из колхапурской линии. Помимо заимствований из «Сабхасада», автор сообщает подробности устройства секретариата в администрации маратхов и абсолютную незаменимость письмоводителей в обеспечении бесперебойных коммуникаций как внутри государства, так и вовне для поддержания внешних связей. Здесь Баладжи Авджи непременно оказывается рядом с *чхатрапати* в тех эпизодах, которые считаются ключевыми в жизни Шиваджи-основателя маратхской государственности, например, убийство им во время дипломатического рандеву Афзал-хана, биджапурского военачальника [Глушкова, 2012].

5. «Читнис», в оригинале «Семиглавное жизнеописание сиятельного Шивы-чхатрапати-махараджа» (*Śakakarte śrī-śiv chatrapati mahārāj yañce saptaprakaraṇātmak caritra*, 1810), принадлежит перу Малхара Рам-рава Читниса, праправнука Баладжи Авджи. Он занимал пост секретаря при Шаху-младшем (Шаху II), а его сын — Балвант-рав — стал помощником Гранта-Даффа. На основе этого *бакхара* уже при сыне Шаху-младшего сатарский резидент выстраивал «Историю махраттов», одновременно воспитывая Пратапа Сингха в духе лояльности к новой власти. *Бакхар* добавляет множество новых сведений о клане Бхосле и об отрочестве Шиваджи, что не находит подтверждения в других источниках. Самая большая глава 7 — «Помазание на царство» — полностью посвящена подготовке и проведению ритуалов коронации, в том числе деталям проксемического размещения присутствующих с выведением Баладжи на передний план — лицом к лицу (*sanmukh*) к хозяину — и оттеснением всех остальных на задний: ... *Лицом [к Шиваджи], чуть правее, письмоводитель Баладжи Авджи с письмом в руках, лицом [к Шиваджи], чуть левее, счетовод Чимнаджи Авджи с письмом в руках...* [Sane, 1924, p. 331]. Большинство из повсеместно доступных — буквально на улицах — современных репродукций этого сюжета, легко изменяемых и насыщаемых компьютерной графикой, транслируют именно такой визуальный нарратив⁹.

За исключением «Сабхасада», об авторе которого сведений нет, со второго по пятый *бакхар* были созданы членами касты «си-кей-пи», а три последних — *читнисами* из клана Читре. Занятый в колониальный период на разных академических должностях, Балкришна Атмарам Гупте назвал своих соплеменников «главными историками „периода маратха“¹⁰», иначе «золотой эпохи в истории Махараштры», длившейся с 1674 г., даты коронации Шиваджи, по 1818 г., даты капитуляции *пешвы* Баджи-рава II [Gupte, 1912, p. 37]. Знаменитый маратхский историк Говинд Сакхарам Сардесаи, брахман-кархаде, прослужившей более четверти века секретарем у Саяджи-рава Гайквада III, махараджи маратхского княжества Барода (на территории нынешнего Гуджарата), не уставал черпать из *бакхаров* и воспевать их авторов: «Все выходцы из клана Читнисов были непревзойденными писателями, чьи скопившиеся груды сочинений с невероятной силой потрясают воображение. Когда новости из отдаленных мест добирались до Сатары или Пуны и прочитывались там, некоторые из авторов превосходным стилем и толковостью сразу обращали на себя внимание, и их отбирали на более высокие должности» [Sardesai, 1933, p. 24]. Но даже полувековые дружба и сотрудничество

⁹ В отношении этого *бакхара* Саркар высказался однозначно (25.06.1923): «Малхар Рам-рав Читнис фальсифицировал историю маратхов, и Грант-Дафф пал его жертвой» (цит. по [Gurta, 1957, p. 146]).

¹⁰ Маратха (неизм. в отлич. от этнонима «маратх») — существительное, называющее воинскую касту, к которой в настоящее время принадлежит около 28% населения Махараштры, и соответствующее прилагательное. Во времена Шиваджи под маратха подразумевалось маратхиязычное население в целом, в первую очередь те, кто поддерживал Шиваджи. В дальнейшем среди маратха стали различать маратха-кунби — в основном земледельцев и маратха-кшатриев из 96 признанных в Махараштре кшатрийскими родов, среди которых Бхосле не числились. В ряде случаев «маратха» и «маратхи» взаимозаменяют друг друга.

между Сардесаи и Саркар ом не могли изменить позицию бенгальца. Ближе к концу собственной жизни, наконец, освоив маратхи и заново прочитав «Шри-Шива-дигвиджай», в письме к Сардесаи (23.01.1947) Саркар подтвердил свое неприятие *бакхаров* как источников: это — «современное варево (сопсостіон) для прославления прабху». На этом он не останавливается и продолжает (19 и 20.08.1947): «Это болтанка, придуманная каким-нибудь старым сплетником-прабху, знающим санскрит, но не читающим таварихи¹¹, для возвышения семей каястха как наивеличайших и наипреданнейших помощников Шиваджи. Меня тошнит от такого рода пропагандистской литературы... Какой-то недавний идиот-прабху состряпал эту чушь во славу прабху, служивших у чхатрапати» (цит. по [Gurta, 1957, p. 255, 258, 259]).

Брахманы vs все остальные (*brāhmaṇetar*)

Из-за профессиональной подвижности «си-кей-пи» относят к мигрирующим в поисках достойного вознаграждения сообществам. Их приход (из Северной Индии) в Махараштру, в районы по обе стороны Сахъядри — гористый Мавал и прибрежный Конкан — ориентировочно датируется концом XIV в. Они нанимались на должности, связанные с бумажной работой, т. е. включались в ряды бюрократов любого уровня — от регистраторов межевания в деревнях и кладовщиков в крепостях до письмоводителей у местной знати и министров при деканских правителях-мусульманах. Положение прабху, как они предпочитают себя называть, отдаляясь от северных каястха, было социально неустойчивым: «Грамотность считалась их достоинством, но при этом они оставались слугами своих хозяев. Они охраняли подступы к власти преобладающим, и именно это вызывало предубеждение. Их мобильность и владение языками придавали им внерегиональный авторитет, но, как следствие, вынуждали признавать в них чужаков» [O’Hanlon, 2010, p. 564]. Они неизбежно вступали в деловую конкуренцию с брахманами, занятыми, помимо ритуала, в том же канцелярском регистре, и конфликт между теми и другими принимал характер кастовых споров — *граманья* (*grāmaṇya*): махараштранские брахманы считали «си-кей-пи» не кшатриями, взявшими в руки перо, а шудрами, представителями низшей *варны* в классической — четырехуровневой¹² — иерархии индуизма. За прабху не признавалось права на инициацию (*урапауана* скр., *тић* маратхи), т. е. формализованное зачисление в «дваждырожденные» через приобретение знания путем изучения вед, произнесение ведийских мантр (*vedokta*) и ношение священного шнура. При обострениях противостояния и те, и другие отправляли запросы в брахманские собрания священников Пайтхана и/или Бенареса. Принимаемые там коллегиальные решения с вытекающими из них ритуальными и социальными последствиями могли быть для прабху частично благоприятны, о чем свидетельствует анализ санскритских источников [O’Hanlon, 2010; Deshpande, 2010], или полностью враждебны. Закрепленные в санскритских циркулярах, они какое-то время действовали, потом забывались, искажались или отменялись другими авторитетами, и антагонизм раскручивался на новый виток.

Имя Баладжи Авджи встречается как раз в контекстах *ведокты* и *граманьи*, как и имя Шиваджи в параллельно происходившей кастовой битве — брахманы Махараштры и его считали шудрой, а не кшатрием, и потому — вместе с более родовитыми воинскими кланами — противились его коронации. То есть у слуги и его хозяина проблемы социальной неустроенности оказались

¹¹ *Таварих* (мн.ч. от *tārīkh*, «дата») — политические хроники с рекомендациями по сохранению «идеального порядка» на персидском языке.

¹² В интерпретации махараштранских брахманов времен Шиваджи и позднее, в переживаемую *калиюгу* (*kaliyuga*), «эру упадка», кшатрии и вайши в Махараштре перевелись и остались только шудры (ремесленники и слуги), чьи религиозные нормы — *пуранокта* (*purāṇokta*) — определялись на порядок менее священными текстами пуран. То есть обществу навязывалась двухчленная структура — брахманы vs небрахманы.

общими, по поводу чего Саркар, к слову, сам каястха¹³, не преминул заметить: «Шиваджи остро чувствовал свое унижение от рук брахманов... Их настойчивое обращение с ним как с шудрой привело его в объятия Баладжи Авджи, предводителя каястха и еще одной жертвы брахманской гордыни» [Sarkar, 1952, p. 375]. Общим у них был и спаситель — знаменитый Гага Бхат, непревзойденный знаток четырех вед, шести шастр и прочих жанров священной литературы, чьи суждения по запутанным вопросам признавались как приговор. Его предки еще в XVI в. переселились из Пайтхана в Бенарес и надолго захватили интеллектуальный контроль над городом, превратив его в оплот махараштранской брахманской мысли, и роль Гаги Бхата в истории Махараштры следует признать судьбоносной.

Мадхав Дешпанде полагает, что отказ брахманов проводить обряд посвящения для старшего сына / сыновей Баладжи послужил триггером его обращения в Бенарес, в результате чего на свет явился трактат на санскрите «Светильник дхармы каястха» (*Kāyasthadharmadīpa*), само наличие которого уже возвышало положение «си-кей-пи». В нем Гага Бхат удостоверяет высокое происхождение касты посредством ее мифологической привязки к пураническим (а не ведийским) источникам. Во время затеянного Парашурамой (шестая *аватара* бога Рамы) истребления кшатриев беременная супруга царя Чандрасена из Лунной династии укрылась от разгневанного воителя в обители мудреца-брахмана и выжила благодаря обещанию, что ее потомки будут держать в руках только перо и никогда меч [Deshpande, 2010, p. 99; Vendell, 2020, p. 538–539]. Тем самым Гага Бхат признал кшатрийские корни «си-кей-пи», хотя и символически пишущего инструмента подвел их к брахманам. На этом основании он разрешил обряд инициации для возведения в ранг «дваждырожденных», но не изучение священных вед. В дальнейших дебатах этот нюанс был утрачен, и в течение несколько десятилетий в общественном мнении «си-кей-пи» фигурировали как полноценные кшатрии, пока в XVIII, XIX и XX вв. не случились новые взрывы *граманьи* и новые общественные скандалы.

Для коронации Шиваджи тот же Гага Бхат разработал «Процедуру царского помазания» (*Rājyābhīṣekapaddhati*)¹⁴ с включением ведийских мантр, что, во-первых, означало признание Шиваджи кшатрием [Deshpande, 2010, p. 98], а во-вторых, подразумевало, что недоистребленные Парашурамом кшатрии смогли продолжить свою линию. В трактате не прописывалась необходимость очистительных церемоний, хотя другие источники сообщают, что в преддверии коронации Шиваджи прошел и через инициацию, и через «правильные» ритуалы бракосочетания с некоторыми из своих жен (а через три месяца повторил всю коронацию уже по тантрической схеме). С другой стороны, все-таки проведенные подготовительные процедуры засвидетельствовали техническую возможность искупления и восстановления утраченного статуса [Ibid., p. 99]¹⁵. Однако несколько десятилетий спустя, уже после смерти авторитетного Кхандо Баллала¹⁶, когда наследственную должность *читниса* занял его сын Говинд Кханде-рав, ставший весомым игроком в условиях

¹³ Положение сходных каст в разных частях Индии определяется историей и микроклиматом конкретного региона. Каястхи Северной Индии и Бенгалии не были объектом столь уничижительного отношения со стороны брахманов, но и брахманы повсеместно никогда не оказывались в роли вершителей судеб целого континента, как это случилось с *пейвами* в XVIII в.

¹⁴ Дешпанде ссылается на публикацию этого текста в издании к 300-летию со дня коронации Шиваджи [Apte, 1974–1975]; в более ранней публикации в моем распоряжении титул звучит иначе — *Śrīśivārājābhīṣekprayog* [Bendre, 1960].

¹⁵ Васудев Ситарам Бендре объясняет, что древнеиндийский правовой канон требовал от потенциального царя безупречного происхождения и надлежащего исполнения прописанных ритуалов жизненного цикла, поскольку он приобретал власть над более высокой варной брахманов. Поэтому претендента на трон следовало до требуемого статуса возвысить, что и произошло в случае с Шиваджи, а официальная коронация послужила его общественному признанию как лидера маратхов [Bendre, 1960, pp. 12–14]. Однако фактически «канон» изобретался по ходу дела.

¹⁶ Вследствие фокуса на Баладжи Авджи богатая на героические события жизнь его сына Кхандо Баллала остается за рамками этой статьи.

перехода в XVIII в. власти от потомков Шиваджи к *пейшвам* [Vendell, 2020], противостояние вспыхнуло с новой силой. В XIX в. оно стало хроническим [Wagle, 1987], подпитываясь активной публикационной саморепрезентацией «си-кей-пи», и обострилось в XX в., как раз в момент создания собственно махараштранского нарратива и борьбы разных групп за присвоение Шиваджи, где грамотные и обладающие литературными навыками потомки Баладжи Авджи и члены его касты играли важную роль. К этому времени, в том числе благодаря запущенным в 1880-х годах как периферия «Источникам по истории каястха-прабху» (*Kāyastha prabhūcyā itihāsācī sādhanē*) и воспроизводству почерпнутых из *бакхаров* нарративов о том, как Баладжи Авджи самолично отправился в Удайпур за подтверждением кшатрийского статуса Шиваджи и даже сам изготовил необходимое генеалогическое древо, как он же, проделав путь на этот раз в Бенарес, не без труда уговорил Гагу Бхата не только вынести благоприятный вердикт относительно его хозяина, но и провести церемонию помазания и т. д. На каждый случай находились все новые свидетельства, включая «копии утраченных оригиналов» из личных закров разветвленной сети *читнисов*, освещив практически всюду, куда дошли маратхи. Этот бумажный вал полностью объясняет наделение Баладжи Авджи высоким эпитетом «секретарь собственной государственности» и — в наши дни — его продвижение как «специального ассистента» и «универсального менеджера», обеспечивающего пространство для бесперебойной жизнедеятельности своего нанимателя.

Бриллиант в «Гирлянде из драгоценных камней прабху»

«Гирлянда из драгоценных камней прабху. Первый букет» (*Prabhuratnamālā. Pratham guch*, 1896) Сахарамы Ганеша Муджумдара представляет собой не что иное, как панегирик собственной касте. Автор сообщает, что «публикация стала итогом трудного поиска членов „си-кей-пи“ из Бароды и Пуны, чьи дома хранят архивы подлинной истории Махараштры» [Mujumdar, 1896, p. 5] и отдает дань уважения Шиваджи, чья эпоха славилась эффективной системой управления: несмотря на кастовые конфликты, культура общественных отношений была на высоте. Вследствие этого «у государства не подломилась ни одна из его опор», и «Гирлянда» документирует «одну из несущих конструкций исторического здания Махараштры», каковой являются выходцы из «си-кей-пи» [Ibid., p. 8]. Из 12 глав книги первая и последняя — общие; еще восемь — размером в 6–7 страничек каждая — описывают «драгоценные камни», сохраненные в памяти касты. Седьмая и десятая, героями которых является Баладжи Авджи (ум. 1681) и его сын Кхандо Баллал (ум. 1726), занимают 73 и 84 страницы соответственно.

Новой информации в главе о Баладжи нет: из *бакхаров*, преимущественно из текста «Шри-Шива-дигвиджай (Шива Победоносный)», приписываемого как раз Кхандо Баллалу, автор извлекает то, что считает нужным. Достоверность той или иной информации подтверждается именами прабху, «в момент написания книги» доставивших какой-то документ или вспомнивших рассказ от кого-то из стариков своего детства и т. д. В примечании длиной в две страницы Муджумдар цитирует «случайно принесенную» неназванным маратха (не «си-кей-пи»!) старую бумагу «с надорванным верхом», где подробно описывается личная удаля Баладжи по освобождению Шиваджи из-под «домашнего ареста» после его визита ко двору Аурангзеба (1666 г.) [Ibid., p.143–144]¹⁷. Следствием «неожиданностей» подобного рода является усиление мотива неразрывного содружества основателя государства маратхов и его секретаря, чьи «сердца бились в унисон» (*doghāñce hṛday ekac hoīn*

¹⁷ Муджумдар сообщает, что скопировал ту часть «бумаги», которая относилась к Баладжи, и вернул документ владельцу. При этом автор называет не Агру, а Дели местом, куда на аудиенцию с могольским императором отправился Шиваджи, где был задержан и откуда совершил побег. В письмах из архивов Джайпура относительно пребывания Шиваджи в Агре и его побега имя Баладжи Авджи не упоминается [Sarkar, Sinh, 1963].

gele) [Ibid., p. 180]. Эта единение закрепляется терминами родства, привносящими в отношения хозяина и его слуги кровность и духовность: так, во время рейда в Раджапур, оценив каллиграфию Баладжи («сразу видно каястха!» [Ibid., p. 121]), Шиваджи принимает его на службу и просит разрешения у его матери называться ее «четвертым сыном» [Ibid., p. 125]; при посещении вероучителя и поэта Рамдаса¹⁸ последний дает наставление не только Шиваджи, но и Баладжи, тем самым соединяя их узами *гуру-бандху* (*guru bandhu*, «братьев-по-наставнику») [Ibid., p. 154].

Доминантой главы является пространственная соединенность Баладжи и Шиваджи: они практически не расстаются, и в любой ситуации, даже при подготовке побега Шиваджи из могольского плена, именно Баладжи показывает, как уместиться в коробе со сладостями, приготовленными для раздачи брахманам: именно таким образом Шиваджи с сыном удается перехитрить охрану [Ibid., p. 143–144]. В дальнейшем это дает повод для публичных высказываний Шиваджи: «Мое спасение из делийского плена произошло благодаря Баладжи Авджи» [Ibid., p. 148] и признаний, что секретарь достигал успеха в делах, непосильных для других. Баладжи не только «ремонтирует» временные и пространственные «поломки», но и выступает как наперсник и утешитель. Выказывая устойчивую неприязнь к мусульманской династии Сидди, при которой его отец Авджи Хари занимал пост министра и был по наговору казнен, он тем не менее подавляет в себе жажду мести и, напоминая Шиваджи пророчество Бхавани («Не достанется тебе Дзанджира» [Ibid., p. 129]), отговаривает его от нападения на неприступную морскую крепость и утешает: «Ваше погружение в тягостные раздумья истощает монолит нашего мужества¹⁹. Если бы вы меня спросили, я бы вам с любовью указал, что не стоит впадать в тревогу по мелочам» [Ibid., p. 131].

В «Гирлянде» Баладжи называет себя «слугой» (*cākar*), а автор утверждает, что хозяин ценит его советы и не скупится на похвалу. При этом Муджумдар использует любую — им же привнесенную — сентенцию для создания благоприятного образа «си-кей-пи» как тесного сообщества. Он подчеркивает превосходство каястха-прабху в умении излагать мысли и пропевает гимн чести в качестве непреложного закона касты, что определяет их профессиональную востребованность. Он уверяет, что преданные прабху без колебаний отдадут жизнь за того, кому служат, — будь то даже мусульманин, но ставят моральный кодекс касты выше произволения хозяина [Ibid., p. 132–134]. Когда Шиваджи предлагает Баладжи переманить своих соплеменников-письмоводителей из вражеского стана, что облегчило бы захват земель Сидди, и приманивает гостей, пожаловавших к Баладжи из Муруда²⁰, богатыми посулами, те отвечают: «Справедлив ли раджа или жесток, не определяется тем, что он дает слуге ту работу, которая ему (слуге) нравится, или ведет себя так, как ему (слуге) нравится. Мы не предадим, хотите победить — нападайте на нас бóльшим войском» [Ibid., p. 136]. На это Шиваджи отвечает: «Пока ваши люди есть в Биджапуре, Даулатабаде, Бедаре, Говалконде и других местах, эти маленькие вотчины устоят» и принимает решение поставить на ответственные посты во всех крепостях родственников Баладжи, а если не их, то членов касты «си-кей-пи», кому он доверяет лично²¹ [Ibid., p. 138, 139]. К этому автор присовокупляет попытки других правителей перекупить у Шиваджи непревзойденного, ведущего от победы к победе *муниши* (*munṣī*),

¹⁸ Рамдас — поэт-морализатор XVII в., популяризатор в Махараштре культа бога Рамы и его верного слуги обезьяны Ханумана.

¹⁹ В оригинале *dbairyameru*, где *meru* — «золотая гора» из индусской мифологии, расположенная в центре Вселенной, мировая ось.

²⁰ Муруд — прибрежное поселение напротив островной крепости Дзанджира, вместе с ней входил во владения династии Сидди.

²¹ Во главе каждой крепости стоял триумвират из маратха-*хавалдара* (*havāldār*, «комендант»), брахмана-*сабниса* (*sabnīs*, «счетовод-бухгалтер») и каястха-*каркханиса* (*kārkhānīs*, «хозяйственник»). В обязанности последнего входило заполнение амбаров, снабжение боеприпасами, поддержание и ремонт сооружений. Они приглядывали друг за другом, но подчинялись непосредственно Шиваджи.

т. е. *читниса*, на что хозяин отвечает: «В моей гирлянде одна к другой нанизаны тщательно подобранные бусины. Отдать эту — уйдет моя счастливая доля (*saubhāgya*)»²² [Ibid., p. 166].

Согласно «Гирлянде», Баладжи обладал обостренным чутьем на запрос момента (*bālājīcyā aṅgī kitī samaysucaktā*) [Ibid., p. 141], а размах его деятельности выходил далеко за рамки должности *читниса*: в качестве «дипломата» и «государственника» (*mutsaddī*) он излагал в письмах и депешах принципы политики Шиваджи, вел переговоры о мире, отслеживал козни чужеземцев (португальцев и англичан) в Гоа и Бомбее, рассылал соглядатаев по всему Декану и за его пределы [Ibid., p. 153, 163]. Он поклонялся только двум богам — «возведению собственной государственности» (*svarājayābhivṛddhi*) и «хозяину» (*svāmibhakti*) [Ibid., p. 180] и придумывал выход (*yuktī*) из, казалось бы, неразрешимых ситуаций. Муджумдар считает, что Шиваджи добивался от Аурангзеба титула «раджа» по наущению Баладжи²³; и он же надомнил его, нарушив установленную в Могольской империи иерархию, собственнлично поднять свой статус до новоизобретенного *чхатранати*, «обладателя [царского] зонта», что вызвало недовольство других воинских родов, не считавших Шиваджи ровней [Ibid., p. 158]. И это стало фоном, на котором брахманы запретили церемонию инициации для подросших сыновей Баладжи, выдвинув в качестве причины его нешкатрийское происхождение. Тем самым близость «братьев» оказалась и социальной, поскольку и слуга, и хозяин оказались причислены к шудрам. В этой ситуации Баладжи во всеулышание заявил: «Добьюсь и коронации, и инициации», что и осуществилось при поддержке Гаги Бхата, заручиться которой не удавалось никому, кроме универсального секретаря. Более того, к завершению церемонии инициации сыновей своего *читниса* Шиваджи собственной персоной пожаловал к нему в дом, а после своей коронации назначил верного соратника министром в *аштанпрадхан*, от чего тот отказался, но закрепил за собой пост *читниса* в качестве наследственного, присовокупив к нему хорошо оплачиваемые должности *каркханиса* и *дзамниса*²⁴ [Ibid., p. 157–165].

По убеждению Муджумдара, возвышение Баладжи как конфеданта Шиваджи, его бесспорное влияние на хозяина вместе с успехами его сородичей на писарском поприще, откуда они теснили предоставлявших те же услуги брахманов, стали причиной лютой зависти и мстительной ненависти, получивших реализацию в грозном социальном оружии — *граманьях*. Эта тема провралась еще в *бакхарах*, фактически ставших единственной основой «Гирлянды», но начавшийся в последней трети XIX в. посмертный «взлет» Шиваджи существенно обострил борьбу за образ национального героя маратхов как «своего», и «си-кей-пи» решительно подняли на щит *читниса* Баладжи Авджи Читре, чтобы за столбить свой особый вклад в создание государства маратхов.

Вслед за маратхиязычной «Гирляндой» Баладжи Авджи удостоился отдельной статьи в престижном ежегоднике *The Indian Antiquary* с аудиторией как в Индии, так и в Европе. Автор статьи «си-кей-пи» Б. А. Гупте, на тот момент личный помощник директора Этнографической службы Индии (Г. Х. Рисли), сообразуясь с «ориенталистской» направленностью журнала, объявил *читниса* — «государственного секретаря Шиваджи» — создателем *моди* (*modī*, букв. «изломанный»), скорописного алфавита, использовавшегося для деловой переписки во времена формирования государства маратхов (и позднее): без его знания доступ к архивам на маратхи закрыт. Б. А. Гупте

²² По непонятной (для меня. — И.Г.) причине Муджумдар прибегает здесь к метафорам женского статусного благополучия: *saubhāgya + vatī*, «обладающая счастливой судьбой», т. е. живым мужем. И продолжает использовать символ замужества — *кумкū*, красную точку на лбу, запрещенную для несущей вредную энергетику вдовы: «Если отдать [бусину], то махараджа утратит кумку» (*yās dūlyāne mahārājācā kumkū nābīse bonār*).

²³ Муджумдар неверно датирует это событие 1672 г. (как, впрочем, и другие). Хотя Шиваджи называли «раджой» и раньше, до официального пожалования звания в 1667 г. [Mehendale, 2011, p. 571] это слово употреблялось гонорифически, а не как титул.

²⁴ *Дзамнис* (*jamnīs* или *jamenīs*) — сборщик налогов, служащий налогового департамента.

комментирует неверную характеристику *моди* под именем «мори» в Переписи 1891 г. как модификации персидского шрифта и не упускает случая уязвить постоянных оппонентов своей касты: «Современные брахманы Пуны, те, что со времен пешв²⁵, с их обычной жадностью до престижа, выдумали чисто мифическую традицию, согласно которой шрифт моди доставил с Ланки Хемадпант..., потому что каждый храм древней каменной постройки [в Махараштре] называют „хемадпанти“ и все, что существует с незапамятных времен или о чем сразу не удастся найти упоминания в исторических описаниях, также называют „хемадпанти“, доводя эту дефиницию до полной тарабарщины» [Gurte, 1905, p. 28]. Автор не называет ни одного источника информации, но объясняет это тем, что Баладжи, к поясу которого был привязан тубус с бумагой, пером и чернилами, всегда находился рядом с Шиваджи в полной готовности выполнять свои обязанности. Для быстрого написания он усовершенствовал шрифт *балбодх* (*bālbodh*)²⁶, убрав из него верхнее надчеркивание и привнеся визуальные элементы из графики персидского и южноиндийского телугу: этот «изломанный» вариант стал характеризоваться как «писарский изгиб» (*citnīsi vaḷaṇ*).

На статью Б. А. Гупте, сравнивая графемы *балбодха* и *моди*, ссылается норвежец Стен Конов, автор тома VII «Лингвистического обзора Индии», посвященного маратхи и вышедшего первым изданием в том же 1905 г. [Grierson, 1968, p. 20]. Без всякой ссылки «Баладжи Авджи, секретаря великого Шиваджи», называет изобретателем *моди* руководитель всего многотомного проекта ирландец Джордж Э. Грирсон в томе I, названном «Введение», но вышедшем как обобщающий материал в 1927 г. [Grierson, 1927, p. 142]. То есть имя *читниса* стало узнаваемым за пределами *бакхаров* и Индии и воспроизводится там и тут, хотя и без документального подтверждения, в связи с возросшим интересом к изучению *моди* в современной Махараштре.

«Гирлянда»²⁷ была использована как источник при описании Баладжи Авджи в разделе «Подношение луноподобного ожерелья (*candrabār*) [нашим] историческим личностям» в памятном «Сувенире», изданном в 1971 г. в честь Всеиндийского съезда чандрасения-каятста-прабху» [Smrutigranth, 1971]. Кое в чем статья поправляет источник — знакомство Шиваджи и Баладжи случилось не в 1649 г., а в 1656, когда и состоялся рейд на Раджапур; Шиваджи отправился на встречу с Аурангзебом не в Дели, а в Агру, куда Баладжи хозяина не сопровождал. В остальном же «Сувенир» воспроизводит панегирик из «Гирлянды», разделив его на две части — «Дипломатия Баладжи» и «Беспристрастность Баладжи». В финале, однако, прорывается напоминание о том, что «жестокий (*ugra*) Самбхаджи» не сумел воспользоваться потенциалом Баладжи, что стало трагедией всего «государства»²⁸, (под которой подразумевается переход власти в руки *пешв*): «Детство Баладжи прошло в бедах, и в руках безрассудного Самбхаджи его настиг вызывающий сердечную

²⁵ Зд. выпад против «пришлых» читпаванов, которых также по месту исхода из Конкана называют *коканстха* в отличие от «местных» — *дешастха*, чье происхождение связано с Деш, частью Деканского плато к востоку от Сахьядри. Хемадпант / Хемадри-пант — премьер-министр при династии Ядавов в Западной Индии в домусульманскую эпоху (вторая половина XIII в.).

²⁶ Так в Махараштре называют шрифт *деванагари*, ранее бывший в ходу только для фиксации религиозных текстов, но в 1930-х годах повсеместно вытеснивший из употребления *моди*.

²⁷ Помимо «Гирлянды» упоминается поэма «Светильник рода Читре» (*Citrvaṃśadīp kāvyā*), мною не обнаруженная, и несколько брошюр популярного типа. «Луноподобное» украшение на шею составляется из золотых звеньев в виде месяца с вставленным в центр фрагментом в форме полной луны. Эта символика подчеркивает кшатрийское происхождение касты, отождествляющей себя с царем Чандрасеном из Лунной династии.

²⁸ Эпитет *ugra*, означающий целый стусок отвратительных свойств (ужасный, лютый, свирепый и т. д.) явно отправляет к 3-му тому восьмитомника «Маратхское государство / правление» Сардесаи с подзаголовком «Жестокий Самбхаджи (*Ugra Sambhāji*)». Впоследствии множество популярных в Махараштре романов, фильмов и сериалов «отмывали» старшего сына от этого позора, обнаруживая «неполадки» в поведении самого Баладжи в период противостояния Самбхаджи и Раджарама. Вина за нанесение ущерба репутации старшего сына Шиваджи возлагалась на авторов *бакхаров*, т. е. тех же «си-кей-пи».

боль конец. Искусство собирать бриллианты было ведомо Шиваджи, а у обладающего необузданным характером Самбхаджи было умение швырять их под ноги слону» [Ibid., p. 9], как он и поступил с Баладжи Авджи, заподозрив его в заговоре в пользу наследования престола Раджарамом.

И, конечно, весьма влиятельным в Махараштре промоутером как *бакхаров* в целом, так и «Гирлянды» стал чрезвычайно плодовитый Сардесаи. В первой же книге восьмитомника «Маратхское государство / правление» (*Mārāṭhī riyāsat*) с охватом периода от «взлета» Шиваджи до прихода в 1707 г. на трон его внука Шаху знаменитый «государственник» (*riyāsatkār*) ссылается, помимо прочих источников, на «Гирлянду» и выделяет отдельный раздел под заголовком «Польза от кампании», имея в виду рейд на Раджапур под контролем Сидди, во время которого состоялось «приобретение» Баладжи Авджи, ранее служившего писцом в местной конторе, как своего рода трофея: «С той поры читнис был рядом, чем бы Шиваджи не занимался, и многое из того, что нам известно, мы узнали из писем, написанных его рукой» [Sardesai, 1915, p. 204]. Незадолго до смерти он издал «Родословные исторических родов», где проследил деятельность потомков Баладжи Авджи вплоть до 1908 г. [Sardesai, 1957, p. 40].

Парадоксальный поворот в борьбе за национального героя

В предисловии к трехтомной «Новой истории маратхов», усовершенствованной более чем через 30 лет версии маратхиязычного восьмитомника «Маратхское государство / правление» (*Mārāṭhī riyāsat*), Сардесаи обосновал неотвратимость ревизии представлений о прошлом: «Исторические исследования в нашей стране достигли в нынешнем столетии феноменального успеха, что привело к существенным изменениям в целях исторического подхода. Кроме того, глубокие социальные сдвиги, формирующие новое мировоззрение²⁹, а также вал исследований и критики в этой области, как и в других, понуждают нас к изложению новой точки зрения» [Sardesai, 1946, p. 2]. К этому он добавил, что маратхи знают и понимают свой край лучше других, но не уточнил, что это «понимание» напрямую связано с различными социальными, религиозными, территориальными, этническими и прочими маркерами. Занявший самое почетное место в умах и душах маратхов Шиваджи в XX в. стал объектом разнузданных кастовых баталий, а его секретарь — инструментом и аргументом в сильной вспышке антибрахманского движения, остающегося и по сей день важным фактором социально-политического климата Махараштры.

В 1907 г. бомбейский преподаватель К. А. Келускар, один из лидеров «небрахманов», под патронатом колхатурской линии издал 600-страничный труд — «Биографию чхатрапати Шиваджи-махараджа, украшения кшатрийского рода» (*Kṣatriyukulāvātans chatrapatī Śivājī mahārāj yāñce caritra*). Он опирался на все *бакхары* скопом и прописывал в тот или иной судьбоносный момент присутствие рядом с Шиваджи не министров-брахманов и родовитых маратха, а писца Баладжи Авджи [Keluskar, 1907]. Вскоре после этого с резкой подачи Радзваде, главы пунской исторической школы, в спорах о *ведокте* и *граманьях* начался новый раунд. При подготовке к публикации «Светильника дхармы каястха» брахман-читпаван в свойственной ему жесткой манере воскресил отрицание кшатрийского статуса «си-кей-пи», напомнив, что Гага Бхат всего лишь избежал недвусмысленной формулировки, разрешающей прабху использовать ведийские мантры. «Новую интерпретацию старого санскритского труда времен Шиваджи» он зачитал на ежегодной конференции «Общества исследователей индийской истории» (*Bhārat itihās samśodhak maṇḍal*), им же в 1910 г. и основанного в Пуне (а потом и опубликовал в ежегоднике «Общества» [Rajwade, 1916]). Вопреки гневным крикам «Прекратить! Сядьте на место!» он выступления не прервал, что привело

²⁹ Безусловно, речь шла о завершении колониального этапа и обретения Индией самостоятельности (1947 г.).

к немедленному исходу историков-«си-кей-пи» не только с заседания, но и из «Общества» и учреждения ими «Исторического исследовательского общества чандрасения-каястха-прабху» [Khan, 1935, p. 48 fn.].

С жестким отпором, перешедшим в нападение на происхождение самих читпаванов и их «псевдобрахманство»³⁰, выступил «си-кей-пи» Кешав Ситарам Тхакре, журналист, реформатор, просветитель и непревзойденный мастер слова³¹. Из-под его пера вышло сразу несколько хлестких эссе с отборной руганью в адрес Радзваде, перечислением всех случаев — начиная с XVI в. — эпизодов *граманьи*, восхвалением неразлучной пары Шиваджи–Баладжи Авджи и их совместных усилий по установлению «собственной государственности». То есть автор основательно разбередил старые раны унижения, не избытые членами его касты³². Изданное в 1918 г. отдельной брошюрой эссе «[Устрашающий] хруст [натягиваемого] лука³³, или Хрен вместо приветствия „Обществу исследователей индийской истории“» разошлось за неделю; в дополненном варианте, который К. С. Тхакре называет «безупречным путеводителем по разоблачению тайн, скрытых за противостоянием брахманов с небрахманами», он объясняет, что «с заливка Махараштры еще со времен пешв не слезает нечисть (*bhūt*) по имени читпаваны, обитающая в рассаднике нечисти — Пуне», в то время как доблестные «си-кей-пи» во главе с мудрым лидером Баладжи Авджи собственной «кровью месили цемент для свараджа Шиваджи и поддержали его еще до того, как к нему примкнули кшатрии–раджпуты» [Thakre, 1925, p. 4], т. е. маратха, не желавшие восхождения на трон «украшения кшатрийского рода».

Оскорбительный для опешевшего брахманского сообщества тон сохранился (и остался коньком дальнейшей деятельности К. С. Тхакре) в «Полной истории граманьи, или Воспротивление бюрократов» [Thakre, 1919] с усилением персональной критики Радзваде и читпаванов вообще в сопоставлении с целой кастой и отдельными кланами каястха-прабху, совершавшими подвиги и осуществлявшими стяжку маратхов, где бы они ни находились³⁴. Гений Шиваджи он славил за выбор им Баладжи Авджи, потому что тот угадал в обладателе эстетического почерка этическое совершенство: исключительную преданность (*niṣkpaṭ svāmībhaktī*), несокрушимую беспристрастность (*kaḍkaḍīt niṣprbhā*), непогрешимый интеллект (*acāṭ buddhimattā*), методичный канцелярский профессионализм (*tāṭṭipicā kārkunī bānā*) и безошибочную стратегическую дальновзоркость (*bincūk*

³⁰ Миф о происхождении читпаванов снова отсылает к Парашураму, который предал «трупы, найденные на океанском берегу, священному огню и возродил их как брахманов, необходимых ему для процедуры очищения после убийства кшатриев». В основе мифа, кроме почитания читпаванами Парашурама, лежит интерпретации лексемы *citpāvan* как «очищенный огнем». Как и «си-кей-пи», читпаваны считаются пришлыми — они мигрировали в сердце Махараштры из Конкана (отсюда их второе имя — коканстха) в конце XVII–начале XVIII вв., и местные брахманы–дешастха не считали их ровней себе.

³¹ Чрезвычайно популярный, в том числе как участник «Движения за объединенную Махараштру» в 1950-х годах, в английской транскрипции Тхакре предпочитал называть себя Теккереем (Thakera) для созвучия с именем английского писателя Уильяма Теккерея, ту же практику сохранил его сын — художник, журналист, политик и еще более блистательный оратор Бал Кешав Тхакре (1926–2012).

³² *Граманьи*, эти уникальные документы о социальных разломах из домашних архивов, Розалинд О’Хэнлон называет «текстуальными памятниками» писцов собственной жизни [O’Hanlon, 2010, p. 590]. Она же в ряде работ объясняет различие в положении брахманов в разных частях Индии и контуры их взаимоотношений с другими кастами.

³³ В оригинале использовано слово *kodaṇḍ*, обозначающее не лук вообще, а собственность бога Рамы. Выпущенная из него стрела после поражения противника возвращается к хозяину.

³⁴ Б. А. Гупте использовал собранные для Переписи 1901 г. данные для собственной книги «Каястха–прабху Бомбея, Бароды, Центральной Индии и Центральных провинций» [Gurte, 1912]. Ссылаясь, в частности, на данные Бомбейских газеттиров (а не на *бакхары!*), он подчеркивает, что Шиваджи доверял прабху больше, чем кому бы то ни было, и поэтому ставил их на самые важные должности: «Они сплотились вокруг его знамени, и теперь их можно увидеть по всей стране, где когда-то развевались знамена маратхов (в период территориальной экспансии маратхов в XVIII в. — И.Г.) — от Гвалиора на севере до Уджайна, Индора, Деваса, Дхара, Нагпура, Берара, Бароды, Сатары, Пуны, Колхпура и до Савантавади на границе с Гоа прабху выстроили свои дома» [Ibid., p. 27–28].

dbornī dr̥ṣṭī). «„Баладжи — это мое дыхание“, — говорил он во всеуслышание и никогда не принимал политических решений, не посоветовавшись со своим секретарем. Две фигуры, но единый порыв; общий настрой, общий подход — махарадж и читнис случайно нашли друг друга, но их выдающийся тандем перевернул Индию» [Thakre, 1919: 36].

Свой голос — одновременно на санскрите и на маратхи — присоединил известный пунский адвокат Кешав Тримбак Гупте, опубликовав трактат «Гагабхатизм Радзваде», или «Начетничество Радзваде» (1919), поскольку композит *gāgābhattī* уже к середине XIX в. приобрел иронический подтекст, указывая на «пустые претензии», «начетничество» и пр. В трактат он включил вердикты бенаресских брахманов (1779, 1801 и т. д.), присовокупил к ним решение пунских законодателей, завизированное последним *нешвой* Баджи-равом II, о допуске «си-кей-пи» к ведийскому знанию (1796), и скопировал письма от религиозных авторитетов из монастырей, называющих «си-кей-пи» «чандрасения-кшатрии» (1830).

И Тхакре в Бомбее, и Гупте в Пуне были широко известны, поэтому за публичным противостоянием читпаваны vs прабху вместе с Махараштрой следили «си-кей-пи» и прочие «небрахманы» Бароды, Индора, Гвалиора и других маратхских княжеств³⁵, и отзвуки этой полемики становились фактом историографии Махараштры. В 3-м издании монографии «Шиваджи и его времена» Саркар выплеснул свое негодование (изъятые в последующих переработках) по поводу этой схватки в условиях подъема антиколониального движения, когда более всего было необходимо единение: «История маратхов, помимо прочего, была омрачена глупой, но весьма ожесточенной ссорой между брахманами и прабху, которая началась (по мере роста благосостояния и общественной безопасности) при Шиваджи, разгорелась в правление Самбхаджи (превратившего Баладжи Авджи в отверженного), возродилась и широко распространилась в современную эпоху посредством дешевого печатного станка, умножения числа газет в качестве кастовых рупоров и удобной циркуляции печатных материалов. Каждая каста интерпретирует прошлое страны и „открывает“ старые документы, чтобы возвысить себя и подавить соперничающую касту. Историческое утверждение или доказательство оценивается по-разному в зависимости от того, исходит ли оно от читпавана или карбхари³⁶, брахмана или прабху» [Sarkar, 1929, p. 411 fn. **]. Уже в заключительной — XVI — главе «Достижения Шиваджи, его характер и место в истории» 5-го издания — Саркар пишет, что Гага Бхат, «сделавший из Шиваджи чистого кшатрия», в благодарность за щедрый гонорар соорудил трактат, прославляющий каястха, но не смог убедить в этом современных ему брахманов». А в примечании приписывает: «Не убедил он и их потомков. В 1916 г. м-р Радзваде, брахман, в связи с изданием этого текста отказал каястха во всех их притязаниях. Тем самым он

³⁵ Маратхские княжества (около 30) в разных частях Индии сформировались в XVIII в. в результате экспансионистской политики *нешв*; в большинстве из них за пределами собственно Махараштры главами стали представители разных «небрахманских» каст, внутри Махараштры, в непосредственной близости от *нешв*, — брахманы — читпаваны и дешастха. См. примеч. 36. Тогда же, в XVIII в. вследствие обострения конфликтов между *нешвами*–читпаванами и каястха–прабху последние отправились за лучшей долей в «небрахманские» княжества [O’Hanlon, 2010, p. 591]. Одна из ветвей клана Баладжи Авджи заняла должности придворных *читнисов* при династии Бхосле (отдаленные родственники Шиваджи) в княжестве Нагпур. Именно ее представитель — Гангадхар-рав Мадхав Читнис / Читнавис по распоряжению резидента Ричарда Дженкинса в 1822 г. создал «Бакхар нагпурских Бхосле» (*Nāgpūrkar bhoslyāñcī bakhar*), естественно, с должным пиететом описав Баладжи Авджи и Кхандо Баллала. То есть процесс «собира-ния» родословной нагпурских Бхосле происходил параллельно погружению Гранта-Даффа в «Читнисский бакхар» в Сатаре при участии представителей того же рода. Еще раньше — в 1803 г. — была составлена родословная династии Вьянкоджи Бхосле, единокровного брата Шиваджи, и выбита на внутренней стене знаменитого храма Брихадешвар в Танджавуре (современный Тамилнад). Ее автором стал личный секретарь раджи Серфоджи II Бабу-рав Витхал, о его происхождении сведений я не обнаружила.

³⁶ Под «читпаваном» Саркар подразумевает не только Радзваде, но и династию *нешв*, брахманов-читпаванов, противопоставляя им *kārbhārī*, многочисленный и многоступенчатый бюрократический аппарат, неуклонно возраставший вследствие пространственного расширения маратхов и необходимости коммуникаций с территориями под их контролем.

спровоцировал несколько реакций. Автор одной — К. Т. Гупте в „Гагабхатизме / Начетничестве Радзваде“ — еще пыгается аргументированно, с предоставлением свидетельств, оспорить его положения. А другой — К. С. Тхакре — в „[Устрашающем] хрусте [натягиваемого] лука“ — воспроизводит тон Милтона из „Тетрахордона“ или „Против Сальмазия“³⁷. И это происходит в XX в.! Несмотря на это, м-р Радзваде и вместе с ним проф. Биджапуркар (который настойчиво называет Шиваджи шудрой) считают себя сторонниками национальных интересов (nationalist) и даже патриотами (chauvinist)!»³⁸ [Sarkar, 1952, p. 76, fn. *]. Радзваде, впрочем, скоро сам рассорился со всей Пуной и увез свои архивы в город Дхуле, а мощное влияние «другого», к тому времени закрепившего за собой официальный титул «Прабодханкар» (*prabodhankār*, «пробудитель», по названию издаваемого им с 1921 г. двухнедельника *Prabodhan* мощной антибрахманской и прокшатрийской, т. е. объединяющей «си-кей-пи» и маратха, направленности), Саркар, конечно, за собственным красноречием недооценил. В одном из номеров за 1923 г. Тхакре, приветствуя инициативу «Общества друзей каястха-прабху», организовавших в Бароде памятное мероприятие к столетию смерти³⁹ «первого историка Махараштры» Малхара Рам-рава Читниса, на котором председательствовал Сардесаи, добавил: «Чем бы ни являлся в глазах эрудированного проф. Джадунатха Саркара бакхар Малхара, который он без устали расписывает как „преднамеренную фальшивку“, он должен признать, что если бы не литературные усилия Малхара, история маратхов осталась бы мифом и, вероятно, наш высокообразованный Саркар без колебаний бы раскрасил [историю Махараштры] в еще более черные цвета лжи и упадка, опираясь на свидетельства своих любимых хронистов Персии, Афганистана и Andmans⁴⁰» [Thakre, 2021, p. 78]. Далее он перечисляет имена династии Читре–Читнисов, подтверждая длинной генеалогией их высокий статус, и сожалеет, что Саркар «не может в полной мере осознать, какую благородную роль на протяжении последних трех столетий играло перо Баладжи Авджи Читниса и его прославленных потомков, таких как Малхар Рам-рав, живописущее маратхов» [Ibid.].

В 1927 г. в честь 300-летней годовщины со дня рождения Шиваджи только что разбитый в Бомбее для облагораживания городской среды Махим-парк был переименован в Шиваджи-парк⁴¹. Президентом Комитета по подготовке празднования юбилея стал известный адвокат Мукунд Рам-рав Джайкар, принадлежащий к «небрахманской» касте патхаре–прабху, родственной «си-кей-пи». В предисловии к изданному к этой дате «Сувениру Шиваджи» он писал: «Имя Шиваджи до сих пор является магическим символом Махараштры. Его династия со временем пресеклась. Его государство рассыпалось в прах, но сегодня он считается непревзойденным идеалом мудрого, справедливого, патриотичного и прозорливого правителя, подавшего наиубедительнейший пример способности Индии к государственному управлению» [Jayakar, 1927, p. vii]. А еще через почти 40 лет — в 1966 г. — по призыву сына «Прабодханкара» Тхакре — популярного карикатуриста и основателя журнала *Mārmik* Бала Кешава Тхакре — в Шиваджи-парке состоялся мощный митинг. При полной поддержке своего отца, яростного защитника репутации каястха–прабху, еще более укрепившего славу виртуоза слова в 1950-е во время борьбы за образование единого маратхиязычного

³⁷ Оба произведения были вызваны к жизни неудачным браком Джона Милтона и оправдывали законность развода вопреки существовавшим нормам.

³⁸ В середине XX в. в условиях антиколониальной борьбы и достижения независимости лексемы nationalist и chauvinist обладали позитивной коннотацией (первая сохраняет положительное значение в индийских реалиях и в наше время), поэтому я ухожу от буквального перевода, сохраняя смысл.

³⁹ Вплоть до недавнего времени празднование дат смерти (*pūṇyatithi*) было важнее, чем дат рождения (*jayanti*). Первые ассоциировались со смертными людьми, вторые — с богами.

⁴⁰ Этот топоним мне непонятен, вряд ли автор имел в виду Андаманские острова.

⁴¹ Позднее — после сопоставления данных из разных источников и астрологических и астрономических пересчетов — дату рождения Шиваджи перенесли на 1630 г. В 2020 г. парк был переименован в Чхатрапати Шиваджи-махарадж-парк.

штата со столицей в Бомбее, молодой Б. К. Тхакре провозгласил создание региональной партии «Шив-сена» (*Sivsenā*, «Армия Шива[джи]») с ультраправыми и ультранационалистическими взглядами⁴². В 1995 г. партия пришла к власти в Махараштре, переименовала Бомбей в Мумбаи, присвоила главному вокзалу, аэропорту и музею имя *чтхатранати* Шиваджи и преуспела в повальной «шиваджизации» маратхиязычного пространства [Глушкова, 2005; Куликов, 2014].

«Парадоксальность» этого поворота заключается в том, что каястха–прабху Бал-сахеб Тхакре, как вошел в историю основатель партии, и его соратники (преимущественно члены касты маратха) не только насытили именем Шиваджи все сферы жизни, но и сформировали некомпозитный тип наступательной политической культуры, прижившийся в современной Махараштре. Бал-сахеб также заслужил прозвище «Крестного отца» Махараштры, а в ежегодных публикациях, посвященных его дням рождения, начиная с 2021 г., одновременно и даты празднования столетия ежемесячника *Prabodhan*, повились сначала предположения, а потом и утверждения, что «Прабодханкар» нарек своего сына в честь Баладжи Авджи⁴³.

Азы политики и этические притязания

Секретарство обычно рассматривают в контексте канцелярско-бюрократической культуры в целом, хотя уникальная роль ближайших помощников часто бывает совершенно неординарной буквально во всех сферах жизнедеятельности хозяина. Сюжет с *читнисом* Шиваджи в общих чертах в такую модель вписывается, но все же она оказывается для него недостаточно емкой, потому что вес, который можно задокументировать, имя Баладжи Авджи обретает после его смерти. Огромная роль в этом принадлежит *бакхарам*, которые Доминик Венделл называет «местом, где осуществлялась репрезентация власти по мере ее сменяемости» [Vendell, 2018, p. 305]. Их составителей, которым посвящена его диссертация «Писцы и политика как [профессиональное] призвание в Маратхской империи 1708–1818 гг.», он считает носителями дидактики, извлекаемой в процессе этической переработки исторического опыта своей профессии: «...они были не просто писателями, а советчиками, наставниками и даже порицателями, выговаривавшими правителю в интересах соблюдения этической целостности политического устройства» [Ibid., p. 307].

В отличие от Саркара, Сурендранатх Сен, еще один известный бенгальский историк и тоже каястха, но владевший маратхи, был расположен к *бакхарам* и использовал их свидетельства, выстраивая «Административную систему маратхов». В разделе «Секретари», ссылаясь во время коронации на проксеMATическую близость Бала Прабху и его брата к Шиваджи, он определяет иерархический статус *читниса* «ничуть не ниже, чем у восьми министров»: «Личный секретарь царя-самодержца, естественно, обладает большим влиянием и является силой, стоящей за троном. Баладжи Авджи был человеком исключительных способностей... Он был допущен к общению Шиваджи

⁴² «Шив-сена» не является темой настоящей статьи, но феномен этой партии, переменчивость ее позиций (от противостояния с коммунистами и нелюбви к южанам до защиты индуизма по всей стране), ее триумф в 1990-х годах и последующий спад описаны в многочисленных работах, в том числе в контексте физического насилия как тактике и стратегии успеха, черпающей вдохновение в знаменитых эпизодах из жизни Шиваджи. См., например, [Hansen, 2001].

⁴³ URL: https://marathi.webdunia.com/bbc-marathi-news/balasaheb-thackeray-was-named-baal-because-maharashtra-news-bbc-marathi-121012300069_1.html; <https://marathi.latestly.com/lifestyle/festivals-events/balasaheb-thackeray-birth-anniversary-%E2%80%8B%E2%80%8Bwhy-was-balasaheb-thackeray-named-baal-read-the-story-behind-this-216527.html> (дата обращения: 11.10.2024). Пикантность этому обстоятельству придает то, что первым (как мне кажется), кто сформулировал это предположение, стал д-р Садананд Море, мой собственный наставник в освоении средневековой поэзии маратхи (и носитель собственной травмы прошлого, поскольку его предок из XVII в. — поэт Тукарам — также считался шудрой, о чем, впрочем, заявлял сам в собственных стихах). Смена модальности — из предположения в утверждение — обусловлена тем, что на протяжении последних лет Море занимает высокий пост главы «Совета штата Махараштры по литературе и культуре», что придает особый вес его словам.

с богиней...» [Sen, 1925, p. 56]. Далее Сен обращается к «Читнисскому бакхару», авторство которого принадлежит праправнуку Баладжи: «Обязанности его должности следующим образом перечислены Малхаром Рам-равом: „Читнис–письмоводитель отвечает за всю царскую корреспонденцию и дипломатическую переписку. Он должен угадать, что находится в царском сердце, и искусно изложить это на письме с обсуждением всех аспектов этого дела. Он должен писать таким образом, чтобы то, что достижимо войной, было получено только посредством букв. Он также должен отвечать на все приходящие письма“» [Ibid., p. 57]. Далее Сен цитирует пассажи из Сане, одного из главных собирателей маратхских архивов⁴⁴: «Земельные дарения, дарственные и другие распоряжения, направляемые административным лицам в районах, должны были оформляться в строгом соответствии с шаблоном. Записки и письма от руки могли быть заверены только печаткой царя или его подписью, но не печатками других лиц, и только читнис мог использовать свой символ» [Ibid., p. 58].

В заключительной части книги Сен проводит параллели между древнеиндийскими трактатами о политике управления и порядками, устанавливаемыми в государстве Шиваджи (*Marāṭhā pādśāhī*, как характеризует его «Сабхасад» — «Маратхская монархия») после официальной коронации. В разделе «Личный секретарь» он пишет: «Каждый правитель нуждается в надежных личных секретарях (secretary) и доверенных делопроизводителях (clerk). Однако Баладжи Авджи, читнис (*ciṭṇīs*) Шиваджи, был не просто писцом (scribe). Его суждений ждали по всем значимым вопросам, и Малхар Рам-рав сообщает, что Шиваджи предложил ему место в своем совете министров. Кроме Бала Прабху писцом (*lekḥaka*) был еще его брат Нило Прабху. Возможно, создание этих должностей диктовалось нуждой, но интересно отметить, что Малхар Рам-рав излагал характер их официальных обязанностей почти так же, как и в IV в. до н. э. Каутилья описывал работу лекхака (*lekḥaka*) своего времени. Стоит обратить внимание и на то, что Каутилья считает необходимым присутствие в лекхаке министерских качеств. Великий государственный деятель из эпохи Маурьев говорит: „Тот, в ком есть присущие министрам качества, кто знаком со всеми обычаями, искусен в правильном расположении [текста], хорош разборчивостью почерка и остер в чтении, должен быть назначен писцом. Такой письмоводитель, внимательно выслушав приказ короля и хорошо обдумав рассматриваемый вопрос, сведет его к письменной форме“. Не отзываются ли эхом эти слова, когда Малхар Рам-рав Читнис говорит нам: „Читнис-письмоводитель отвечает за всю царскую корреспонденцию и дипломатическую переписку. Он должен угадать, что находится в царском сердце, и искусно изложить это на письме с обсуждением всех аспектов этого дела“» [Ibid., p. 493]. Помимо того, что Сен сопоставляет праправнука Баладжи Авджи, автора «Читниса», в оригинале «Семиглавного жизнеописания сиятельного Шивы-чхатрапати-махараджа», с Каутильей / Чанакьей, главным советником императора Чандрагупты Маурья и автором политического и экономического трактата «Артха-шастра», обращением к образу Баладжи Авджи Сен легализует субъектность *читниса* Шиваджи в качестве «секретаря собственной государственности». В этом посмертном «взлете» секретаря нельзя не заметить убедительного вклада его непосредственных потомков и наделенных эрудицией и литературным даром каястха-прабху, таким образом избывавших социальную травму негативных воспоминаний, или «душевные муки» [Шнирельман, 2018, с. 20], и без

⁴⁴ Радзване, Сане и ряд других историков-националистов принципиально отказывались публиковать свои изыскания на английском, поэтому Сен осуществлял еще и миссию распространения их взглядов за пределами Махараштры и Индии. Именно поэтому Мехендале, методично — на протяжении 1660 страниц — перечисливший все промахи Саркара, посвящает свою фундаментальную биографию Шиваджи маратху Б. Г. Парандзпе, опубликовавшему в 1931 г. более 1000 английских документов, имеющих отношение к Шиваджи, и бенгальцу Сену, автору не только отдельных монографий о маратхах, но и многочисленных переводов с маратхи, французского и португальского на английский (в 1920–1930-е годы).

устали предлагавших обществу свой образ героического прошлого. «Приукрашивание» деяний своих предков, по мнению Венделла, отвечало притязаниям каястха–прабху на этическое наследие государства, заложенного Шиваджи, в вербальной визуализации которого они сыграли ведущую роль, а не в фальсификации фактов, как это представлялось хулителям *бакхаров* [Vendell, 2018, p. 350–351].

Современный мультимедийный нарратив о Баладжи Авджи, безусловно, строится без обращения к *бакхарам*: его многочисленные авторы тасуют готовые блоки из «Гирлянды из драгоценных камней прабху», орнаментируя их сообразно своему вкусу и способностям и, конечно, выстраивая прочувствованные диалоги между ведущими актерами из XVII в. Брошюры, видеоблоги, интернет-сообщества, наконец, ТВ-сериалы (самый популярный и стремительно навязывающий свое видение жанр *шиваджианы*) помещают образ *читниса* в трагические рамки подневольности: жестокой смерти по распоряжению работодателя — правителя Дзанджиры — был предан его отец Авджи Хари Читре, сам Баладжи по приказу своего хозяина — *чхатрапати* Самбхаджи, старшего сына Шиваджи, был брошен под ноги разъяренному слону, что не отвернуло ни Кхандо Баллала, ни следующие поколения одаренного семейства от несения верной службы, в каких бы условиях они ни оказывались. При этом «кастовый вариант» исторических коллизий нивелируется, и обретение собственной индусской государственности во враждебном окружении ислама становится ведущей темой. Именно поэтому «секретарь собственной государственности» и «менеджер успеха» становятся основными характеристиками Баладжи Авджи. Он вознесен как культурный герой, которому приписывается изобретение алфавита *моди*, как поборник индуизма в деле индизации, то есть изменения персидских стандартов, делопроизводства и эпистолярного стиля, как «солдат Шивы», готовый взять в руки меч, и дипломат, возвращающийся с удачей из Удайпура, Бенареса и Бомбея, как, наконец, царетворец, устранивший все преграды на пути Шиваджи к титулу *чхатрапати*, «держателя [царского] зонга».

Литература / References

Ванина Евгения. Кончина императора — конец империи / Глушкова И. П. (рук. проекта и науч. ред.). *Смерть в Махараштре: воображение, восприятие, воплощение*. М., 2012. С. 140–171 [Vanina Evgeniya. Death of emperor is the end of the Empire. Glushkova I. P. (ed.). *Death in Maharashtra: Imagination, Perception and Embodiment*. Moscow, 2014. Pp. 140–171 (in Russian)].

Ванина Евгения. Презрение через века, или Унижение исторического героя / Глушкова И. П. (рук. проекта и отв. ред.). *Под небом Южной Азии. Стыд и гордость: введение в стандарты и практики эмоций*. М., 2021. С. 242–268 [Vanina Evgeniya. Posthumous contempt, or A historical hero humiliated. Glushkova Irina (ed.). *Under the Skies of South Asia. Shame and Pride: The Preliminaries of Emotional Standards and Practices*. Moscow, 2021. Pp. 242–268 (in Russian)].

Глушкова И. П. История по заказу. *Азия и Африка сегодня*. 2002. № 6. С. 22–24 [Glushkova I. P. History is made on order. *Aziya i Afrika segodnya*. 2002. No. 6. Pp. 22–24 (in Russian)].

Глушкова Ирина. Махараштра в истории и воображении. *Восточная коллекция*. 2004. № 2 (17). С. 114–125 [Glushkova I. Maharashtra in history and imagination. *Vostochnaya kolleksiya*. 2004. No. 2 (17). Pp. 114–125 (in Russian)].

Глушкова И. Шиваджи: проблемы историографии. *Вопросы истории*. 2005. № 6. С. 104–119 [Glushkova I. Shivaji: problems of historiography. *Voprosi istorii*. 2005. No. 6. Pp. 104–119 (in Russian)].

Глушкова Ирина. Следы и наследие. Извлечение посмертных смыслов. Глушкова И. П. (рук. проекта и науч. ред.). *Смерть в Махараштре. Воображение, восприятие, воплощение*. М., 2012. С. 49–113 [Glushkova Irina. Tracks and legacy. Extracting posthumous meanings. Glushkova I. P. (ed.). *Death in Maharashtra. Imagination, Perception and Embodiment*. Moscow, 2014. Pp. 49–113 (in Russian)].

Глушкова Ирина. «Новый скандал» под знаменем Шиваджи / Глушкова И. П. (рук. проекта), Прокофьева И. Т. (отв. ред.). *Под небом Южной Азии. Портрет и скульптура. Визуализация территорий, идеологий и этносов через материальные объекты*. М., 2014. С. 415–427 [Glushkova Irina. 'A new outrage' under Shivaji's banner. Glushkova Irina, Prokofieva Irina (eds). *Under the Skies of South Asia. Portrait and Sculpture. Territories, Ideologies and Ethnicities as Viewed through Material Objects*. Moscow, 2014. Pp. 415–427 (in Russian)].

Глушкова Ирина. Нет памятника — нет проблемы. Дебрахманизация национального героя Махараштры / Глушкова И. П. (рук. проекта), Прокофьева И. Т. (отв. ред.). *Под небом Южной Азии. Портрет и скульптура. Визуализация территорий, идеологий и этносов через материальные объекты*. М., 2014. С. 435–476 [Glushkova Irina. The sculpture removed, the problem solved. Debrahmanising the national hero of Maharashtra. Glushkova Irina, Prokofieva Irina (eds). *Under the Skies of South Asia. Portrait and Sculpture. Territories, Ideologies and Ethnicities as Viewed through Material Objects*. Moscow, 2014. Pp. 435–476 (in Russian)].

Куликов Никита. Олицетворение величия. О памятниках Шиваджи в Мумбаи / Глушкова И. П. (рук. проекта), Прокофьева И. Т. (отв. ред.). *Под небом Южной Азии. Портрет и скульптура. Визуализация территорий, идеологий и этносов через материальные объекты*. М., 2014. С. 428–434 [Kulikov Nikita. Greatness embodied. The monuments to Shivaji in Mumbai. Glushkova Irina, Prokofieva Irina (eds). *Under the Skies of South Asia. Portrait and Sculpture. Territories, Ideologies and Ethnicities as Viewed through Material Objects*. Moscow, 2014. Pp. 428–434 (in Russian)].

Ухтомский Э. Э. *Путешествие на Восток Его Императорского Высочества государя наследника цесаревича, 1890–1891*. Т. 1. СПб.–Лейпциг, 1893 [Ukhtomsky E. E. *Travels in the East of His Imperial Highness Sovereign Heir Prince Cesarewitch 1890–1891*. St. Petersburg–Leipzig, 1893 (in Russian)].

Шнирельман В. А. Социальная память: вопросы теории / Тишков В. А., Пивнева Е. А. (отв. ред.) *Историческая память и российская идентичность*. М., 2018. С. 12–34 [Schnirelman V. A. Theoretical approaches to social memory. Tishkov V. A., Pivneva E. A. (eds). *Historical Memory and Russian Identity*. Moscow, 2018. Pp. 12–34 (in Russian)].

Bendrey V. S. (ed.). *The Coronation of Shivaji the Great. Gāgābhattachakṛt Śrīśivārājābhīṣekapryogah: or the Procedure of the Religious Ceremony performed by Gagabhata for the Consecration of Shivaji as a Hindu king*. Bombay, 1960.

Bhave Prabhakar. *Bālājī Avjī Cīṭhīs*. (Śivṛāyāñce śiledār). Pune, n. d. [Balaji Abji Chitnis. (A soldier of Shiv-rajā) (in Marathi)].

Chitnis K. N. *Research Methodology in History*. New Dehli, 2012.

Date P. R. *Bālājī Avjī Cīṭhīs*. S.l.: s. n., 1976a [Balaji Avji Chitnis (in Marathi)].

Date P. R. *Yaśvant Bālājī Avjī*. S.l.: s. n., 1976b [Successful Balaji Avji (in Marathi)].

Deshpande Madhav M. Kṣatriyas in the Kali Age? Gāgābhaṭṭa & His Opponents. *Indo-Iranian Journal*. 2010. Vol. 53. Pp. 95–120.

Frissel E. J. An account of Shahaji and his son Shivaji. Forrest George W. (ed.). *Selections from the Letters, Dispatches, and Other State Papers preserved in the Bombay Secretariat*. Maratha series. Vol. I., part I. Bombay, 1885. Pp. 1–22.

Grant Daff James. *History of the Mabrattas. In three volumes*. Vol. 1. Delhi, (1863), reprint 1990.

Grierson G. A. (ed.). *Linguistic Survey of India*. Vol. I, Part 1. Delhi–Varanasi–Patna: Motilal Banarasidass (reprint of 1927 edition), 1967.

Grierson G. A. (ed.). *Linguistic Survey of India*. Vol. VII. Delhi–Varanasi–Patna (reprint of 1905 edition), 1968.

Gupta Hari Ram (ed.). *Sir Jadunath Sarkar Commemoration volume. I. Life and Letters of Sir Jadunath Sarkar*. Hoshiarpur (fifth ed.), 1957.

Gupte B. A. The Modi Character. *The Indian Antiquary, A Journal of Oriental Research in ArchAeology, Epigraphy, Ethnology, Geography, History, Folklore, Languages, Literature, Numismatics, Philosophy, Religion, &c.*, &c. Vol. XXXIV. 1905. Pp. 27–30.

- Gupte B. A. *The Kayastha Prabhus of Bombay, Baroda, Central India and Central Provinces*. Calcutta, 1912.
- Hansen Thomas Blom. *Wages of Violence. Naming and Identity in Postcolonial Bombay*. Princeton–Oxford, 2001.
- Jayakar M. R. Forword. Sardesai G. S. (ed.). *Shivaji Souvenir*. Bombay, 1927. Pp. v–vii.
- Keluskar K. A. *Kṣatriyikulāvātans chatrapatī śivājī mahārāj yāñce caritra*. Mumbai, 1907 [A Life of Shivaji Maharaj, Lord of the Royal Umbrella and the Pride of the Kshatriya Lineage (in Marathi)].
- Khan Saiyid Tafazzul Daud Sayeed. *The Real Sevaji*. Allahabad, 1935.
- Kulkarni Anuradha Govind (ed.). *Śivchatrapatīñcī patre*. Khand 1 & 2. Pune, 2015 & 2019 [Correspondence of Chhatrapati Shivaji (in Marathi)].
- Mehendale Gajanan Bhaskar. *Shivaji. His Life and Times*. Thane, 2011.
- Mujumdar Sakharam Ganesh. *Prabhuratnamālā. Pratham guch*. Barode, 1896 [The Garland woven of the best of Prabhus. The first bouquet. Baroda, 1896 (in Marathi)].
- O’Hanlon Rosalind. The social worth of scribes: Brahmins, Kāyasthas and the social order in early modern India. *Indian Economic Social History Review*. 2010. Vol. 47. Pp. 563–595.
- Samarth Anil. *Shivaji and the Indian National Movement: Saga of a Living Legend*. Bombay–New Delhi, 1975.
- Sane K. N. (ed.). *Malbār Rāmrv Citṇīs-viracit śakakarte śrī-śiv chatrapati mahārāj yāñce saptaprakaraṇātmak caritra*. Poona, 1924 [Sane K. N. *The biography of Holy Chhatrapati Shiva maharaj compiled in seven chapters by Malbar Ramao Chitnis*. Poona, 1924 (in Marathi)].
- Sane K. N. (ed.). *Śivchatrapatīce caritra*. URL: <https://drive.google.com/file/d/0By2f3KW8xMiBN2FyNmp6RkRuNmM/view?resourcekey=0-5P-eCCc7eIF6o8b1LHlSxA>. N.d. [Sane K. N. (ed.). *The biography of Chhatrapati Shiva* (in Marathi) (дата обращения: 15.10.2024)].
- Sardesai G. S. *Marāṭhī riyāsat (purvārdha)*. (*Hindustāñcā arvācīn itihās. Bhāg dusrā*). Mumbai: (new ed.) 1915 [The Maratha State. (Modern history of Hindustan. Part 2.). Bombay, 1915 (in Marathi)].
- Sardesai Govind Sakharam. *The Main Currents of Maratha History*. Bombay, 1933.
- Sardesai G. S. *Aitihāsik gharānyācī vaṃśavūḷī*. Mumbai, 1957 [Sardesai G. S. *Genealogies of the historical clans*. Bombay, 1957 (in Marathi)].
- Sarkar Jadunath, Sen Raghubir. *Shivaji’s Visit to Aurangzib at Agra. Rajasthani Records*. Calcutta, 1963.
- Sarkar Jadunath. *Shivaji and His Times*. London, (second ed.) 1920, Calcutta (third ed.), 1929, Calcutta (fifth ed.), 1952.
- Scott-Waring Edward. *History of the Mahrattas: To which is Prefixed an Historical Sketch of the Decan, Containing a Short Account of the Rise and Fall of the Mooslim Sovereignties Prior to the Aera of Mahratta Independence*. London, 1810.
- Sen Surendranath. *Extracts and Documents Related to Maratha History. Vol. I. Śiva Chatrapati Being a Translation of Sabhasad Bakhar with Extracts from Chitṇīs and Śivadivijaya, with Notes*. Calcutta, 1920.
- Sen Surendranath. *Extracts and Documents Related to Maratha History. Vol. II. Foreign Biographies of Shivaji*. Calcutta, 1925.
- Shinde-Sarkar Ashok. *Svarājyāce citṇīs Bālājī Āvijī Citre*. Islampur, 2015 [Shinde-Sarkar Ashok. *The secretary of Shiv-rajā*. Islampur, 2015 (in Marathi)].
- Smṛtigranth. Akhil bhāratīy cāndrasenīy kāyastha prabhu samājonnatī pariśad 71 adhivēśan 9ve*. N.k., 1971 [Souvenir. The 1971 all India Chandraseniya kayastha prabhu congress for the community progress. The 9th session. N.k., 1971 (in Marathi)].
- Thakre Keshav Sitaram. *Koḍāṇḍācā ṭaṇatkār athvā Bhārat itihās saṃśodbhak maṇḍalās ulaṭ salāmī*. Mumbai, (1918) 1925 [Thakre Keshav Sitaram. *The twang of the bow, or Upside-down salute* Bombay, 1918 (in Marathi)].
- Thakre Keshav Sitaram. *Grāmanyācā sādyant itihās arthāt nokarsāhice baṇḍ*. Mumbai, 1919 [Thakre Keshav Sitaram. *A comprehensive history of rebellion, or The revolt of the bureaucrats*. Bombay, 1919 (in Marathi)].

Thakre Keshav Sitaram. Day by Day. Parab Sachin (ed.). *'Prabodhan' madhīl prabodhankār: prabodhan niyatkālikātil keśav sitārām thākre yāñce lekḥ*. Khaṇḍ 2. Mumbai, 2021 [Thakre Keshav Sitaram. Day by Day. Parab Sachin (ed.). *Prabodhankar in Prabodhan: articles from the Prabodhan authored by Keshav Sutaram Thakre*. Mumbai, 2021 (in Marathi)].

Vendell Dominic. *Scribes and the Vocation of Politics in the Maratha Empire, 1708–1818*. Dissertation, submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy in the Graduate School of Arts and Sciences, Columbia University, 2018.

Vendell Dominic. The scribal household in flux: Pathways of Kayastha service in eighteenth-century Western India. *The Indian Economic & Social History Review*. 2020. Vol. 57. Issue 4: Scribal Service People in Motion: Culture, Power and the Politics of Mobility in India's Long Eighteenth Century, c. 1680–1820. Pp. 535–566.

Wagle N. K. Ritual and Change in Early Nineteenth Century Society in Maharashtra: Vedokta Disputes in Baroda, Pune and Satara, 1825–1838. Israel Milton, Wagle N. K. (eds.). *Religion and Society in Maharashtra*. Toronto, 1987. Pp. 145–181.

Wakaskar V. S. *Ninety one kalmi bakhar* (Aitihāsik Saṅkirṇa Sāhitya). Poona, 1930.